

Глава 12

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

В. В. СЕМЕНОВА

§ 1. Вводные замечания

Социология молодежи как отрасль социологического знания формировалась и развивается на базе демографического разделения возрастных когорт для исследования той возрастной группы, которая находится в процессе подготовки к замещению уходящих поколений и воспроизводству социальной структуры.

Однако юность как предмет исследования не может быть сведена к возрастным границам жизненного цикла, ибо существует еще и социальный аспект процесса взросления, рассматриваемый в рамках теорий социализации.

Возрастные рамки юности и молодости, специфика процесса социализации при вхождении в статус взрослого определяются конкретными социально-историческими условиями общества и его культурными традициями. Поскольку в разных странах и культурах процесс социализации протекает неодинаково, то по поводу границ молодежного возраста в разных национальных социологиях имеются разные представления. В российской традиции с начала века до наших дней границы собственно молодежного возраста в социальной статистике и в переписях населения варьировали от 10-12 до 20 лет в начале века, от 17 до 28-30 лет к нашему времени.

Заметим также, что не во всех странах и национальных традициях эта отрасль социологического знания приобрела самостоятельный статус и название «социология молодежи». Соответствующая проблематика, с одной стороны, в ряде случаев пересекается со множеством других направлений (социология образования, культуры, социальной структуры и т. д.), с другой — социология не имеет своих специфических теорий юности. Как самостоятельный феномен юность долгое время была объектом внимания психологов и социальных антропологов.

В рамках собственно социологического знания интерес к молодежной проблематике обычно возникал в периоды обострения социальных «проблем с молодежью»: социологи как бы отвечали на определенный социальный заказ, объясняя возникшую проблемную ситуацию. При этом теоретическое осмысление молодежной проблематики в большинстве случаев оставалось в стороне.

В критическом обзоре социальных исследований молодежи немецкий социолог К. Харельман отмечает, что «исследования молодежи в основном сводились к большим точкам молодежного поведения, таким, как кризис образования, безработица, потребление наркотиков, политический экстремизм — т. е. тем проблемам, к которым было приковано общественное внимание в данный момент, и зачастую из поля зрения выпадал целостный феномен "юности" как таковой» [60].

Даже широко известные лекции Маргарет Мид [65] о разрыве между поколениями и эволюции отношений между ними, а также теории поколений как фактора социальных изменений К. Мангейма [64] получили общественное признание главным образом в качестве возможной объяснительной теории ситуации молодежного протеста и волнений конца 60-х гг.

Поэтому, если говорить об истории этой области социологического знания, то скорее надо говорить о конкретных социально-исторических ситуациях, в которых молодежь становилась объектом внимания и общественного мнения, и исследователей; на этой волне происходил всплеск интереса к молодежной тематике и формулировались новые аспекты в ее рассмотрении.

В развитии российской социологии можно выделить как тенденции, общие для мировой социологии, так и специфически «советские» черты. К числу первых относится рассмотрение молодежи как компонента в социальной структуре и элемента мобильности общества в связи с проблемами образования, рынка труда и демографическими проблемами; существенно слабее, чем в западных национальных социологиях, разработана проблематика поколенческих культурных изменений и молодежной субкультуры, которые появились у нас значительно позднее.

Формы политического протеста и молодежного экстремизма оказались совершенно не изученными и обозначились лишь в самое последнее время по понятным причинам.

В целом же советская социология молодежи прошла сложный путь от упрощенного представления о своем объекте как подлежащем формированию со стороны государственных институтов до постепенного утверждения представления о молодости как особой фазе жизненного цикла, обладающей собственными интересами и собственным (хотя и незавершенным) социальным статусом. Закономерный процесс социологического углубления в объект исследования в России был затруднен историко-социальными обстоятельствами и поэтому происходил довольно болезненно и медленно. Причиной тому не только политические запреты советского строя, но и национальные традиции партикулярных отношений «по старшинству», которые перешли в советский период из дореволюционных времен. Усложнение и углубление социального

представления о молодости вело не только к рассмотрению собственно молодежных интересов (самореализация молодежи), но и к постепенной дифференциации возрастной группы как объекта исследования, к пониманию биологически-социального неравенства между отдельными подгруппами внутри одного поколения. Этот процесс внутренней дифференциации объекта протекал в русле мирового развития дисциплины, но, увы, с отставанием, которое к настоящему времени достаточно быстро преодолевается.

§ 2. Молодежная проблематика до 1917 года и в первые годы советской власти

В российской социологии интерес к молодежным проблемам впервые возник в начале века. Его «провоцировали» развитие капиталистических отношений в России и кризис традиционной семейной социализации, развитие массовой системы профессионального образования. Именно тогда заговорили о высвобождении молодого поколения из-под влияния семьи и выделении его в качестве объекта социализации со стороны государства.

П. Сорокин в работе «Кризис современной семьи» в 1916 г. [41, с. 174], описывая процесс распада традиционных семейных связей, в качестве отдельного аспекта выделил проблему разрыва традиционных связей между родителями и детьми в рамках семьи и передачу воспитательных и опекунских функций по отношению к подрастающему поколению в руки государства. П. Сорокин писал, что воспитание и обучение перестало быть исключительно семейной прерогативой. Широкая сеть детских учебных учреждений, воспитательных заведений и тому подобное означает, по существу, что не только функция первого воспитателя и «скульптора» отнимается у семьи, но даже время, проводимое ребенком в кругу семьи, резко сокращается. Замена семейного воспитания и обучения профессиональным обучением имеет, по мнению раннего Сорокина, свои позитивные стороны, так как должна привести к усилению степени «социализованности» молодого поколения, пропитыванию его общественными мотивами и интересами, большей просвещенности [41, с. 171-172].

В этом пассаже из ранней статьи П. Сорокина представляет интерес последовательный переход от рассмотрения «ребенка, личности» как индивида, являющегося объектом социализации в рамках семьи, к анализу «молодого поколения» как общности, члены которой обладают сходным статусом «социализируемых», а их социальное становление зависит от ряда возможностей и ограничений, предоставляемых обществом в данный исторический период. Та же ситуация кризиса образовательных функций семьи и перехода к системе «обобщественной»

социализации почти одновременно с П. Сорокиным анализировалась в работах М. М. Рубинштейна «Кризис семьи как органа воспитания» [37] и А. Чекина «Семейный распад и женское движение» [49].

Одновременно в публикациях того времени начинает появляться проблематика студенческой и учащейся молодежи (А. Сперанский [43]), при этом особенное внимание традиционно уделялось проблемам быта и материального положения русского студенчества (А. А. Кауфман [18]) на основе бюджетов его учебного и внеучебного времени.

В социальной статистике категория рабочей молодежи появилась еще раньше: еще в переписи 1897 г. присутствовала категория работающей молодежи, которая относилась к молодежи рабочих в возрасте от 10-12 лет до 20 лет, появлялись публикации по тяжелому положению рабочих подростков на производстве и в бытовой сфере, их большей правовой незащищенности по сравнению с более старшими возрастными группами (И. И. Янжул [56], А. Бернштейн-Коган [4]).

Общая направленность этих публикаций, касающихся молодого поколения тех лет, может быть охарактеризована как демократическая традиция отстаивания интересов социально незащищенных и дискриминируемых групп, требующих дополнительного внимания и опеки со стороны властей.

Новый всплеск интереса к молодежи в 20-е гг. формировался в связи с практической управленческой деятельностью партийных, советских и общественных организаций и имел четко выраженную прикладную ориентацию. А. В. Луначарский по этому поводу писал: «Наша страна хочет познания, кто такие "мы", что такое Советский Союз... куда он продвинулся за 10 лет... пролетариат хочет познать различные элементы нашего общества, как видоизменяется лицо советской деревни, как растет отсталая часть пролетариата, что делает сейчас мещанин, как воспитывается в новой жизни молодежь мужская и женская, разных категорий, направлений и темпераментов... Об этом говорят публицисты, ученые-социологи, экономисты, об этом говорит статистика» [30, с. 68]. Среди большого числа работ, появившихся в 20-е гг., наибольшее внимание уделялось проблемам труда и воспитания молодежи. Интерес к трудовой активности молодежи объяснялся прагматической потребностью преодолеть техническую отсталость производства, низкую культуру труда, дезорганизацию производства, доставшуюся как наследие царского режима и разрушительных войн. Молодежь же составляла существенную долю трудовых ресурсов: каждый пятый был в возрасте с 14 до 22 лет, при этом основная часть (28 млн.) находилась в деревне и лишь 4 млн. в городе [52, с. 14]. Как следствие — большое количество как обобщенных, так и конкретных работ по труду и быту работающей молодежи [2], [12], [19], [20], [26], [44].

Проблемам идеологического воспитания молодежи и ее отношению к новой власти также уделялось большое внимание в массовых исследованиях в связи с развернувшимися в общественном мнении дискуссиями о моральном облике нового молодого поколения: проблемы любви и полового воспитания (знаменитая дискуссия о «стакане воды»), коллективной ответственности за каждого человека, о самоубийствах [3], [9], [21], [29].

Появление многочисленных массовых обследований молодежи в те годы в сравнении с другими областями социологии было связано с тем, что использование социологического инструментария и, прежде всего, техники формального анкетного опроса, наталкивалось на почти полную неграмотность основной части населения и ее неспособность заполнить бланки, тогда как среди молодой части населения процент грамотности был значительно выше. Это давало возможность расширять технику опросов (тестирование, использование личных документов, анкетирование, а также повторные длительные обследования) и охват объекта исследования (например, Всесоюзный опрос молодежи, проведенный в 1927 г., где опрошено 120 тыс. учащихся) [6, с. 145-155].

Следующий всплеск интереса к молодежи в послереволюционный период приходится на середину 30-х гг. Связан он был, во-первых, с тем, что вступало во взрослую жизнь первое поколение молодежи, выросшее в советских условиях, и его социальный облик был способом идеологического доказательства достижений нового режима. Во-вторых, в это время наибольший интерес вызывали проблемы роста образовательного уровня молодежи.

Молодежь рассматривалась исключительно как объект социализации со стороны государства. Ее социальные характеристики «подгонялись» под политические идеалы социалистического государства и определялись степенью достижения поставленных идеологическим государством целей: политической активности и участия в процессе социалистического строительства.

Для примера приведем первый статистический сборник «Молодежь в СССР», изданный в 1936 г. к X съезду ВЛКСМ и составленный на основе текущих статистических материалов [32]. Сборник имеет ярко выраженный идеологический характер и имеет подразделы «Молодежь в социалистическом строительстве» (таблицы «Комсомол в составе научных кадров», «Молодежь и комсомольцы в составе советов», «Молодежь в просвещении», «Молодежь в борьбе за свеклу», «Молодые орденоносцы»); «Образование молодежи» (таблицы «Комсомол дал стране подготовленных специалистов», «Техническая подготовка рабочей молодежи», «Изучение иностранных языков рабочей

молодежью»); «Физическое развитие» (таблица «Физическое развитие рабочей молодежи, призванной в Красную армию»); «Жилище молодежи» (таблица «Как изменились жилищные условия рабочих семей, переселившихся в новые дома»); «Молодежь капиталистических стран» (таблицы «Число самоубийств», «Безработица молодежи», «Число убитых и раненых в угольных коях в Великобритании», «Сокращение приема учащихся в высшие учебные заведения Германии»).

Сборник как бы перечисляет социальные требования к подрастающему поколению и в то же время подгоняет социальную реальность под существующий социальный идеал. Таблицы легко маневрируют молодежными возрастными группами, сравнивая данные разных лет: городская молодежь — нижняя граница не указана, верхняя граница — 20, 22 года, иногда 25 лет; сельская молодежь — от 10—12 до 20 лет. Уровень дореволюционного гимназического образования легко приравнивается к послереволюционной средней школе.

С точки зрения изменившейся социально-исторической ситуации в отношении молодого поколения, помимо четко выраженной политической ориентации, показательным является внимание к образовательному уровню молодежи. Это первое поколение, выросшее в условиях перехода к массовому профессиональному образованию. Статистические данные о развитии новых массовых форм образования представляют существенный интерес, свидетельствуют о расширении образовательных возможностей для выходцев из бывших социальных низов общества за счет преобразования начальных школ в неполные средние школы, средних школ в десятилетки (1932-1933 гг.), появления новых каналов образования (школы ФЗУ, школы для взрослых, рабфаки, курсы технической подготовки работающей молодежи), более широкого приема пролетарской молодежи в высшие учебные заведения (что, однако, привело к существенному снижению качества высшего образования).

§ 3. Особенности становления дисциплины в советской социологии

Выделение «социологии молодежи» в отдельную отрасль в мировой социологии относится ко времени молодежной революции 60-х гг., когда мощная социальная потребность в понимании сути молодежного протеста привела к росту обостренного внимания к молодежным проблемам и повороту к ним большого числа исследователей.

На этой волне стали популярными и активно обсуждались теории К. Мангейма и особенно его «романтико-исторический» подход к новым поколениям как источнику и силе в социальном прогрессе. Привлекли общественное внимание уже упоминавшиеся лекции М. Мид о культурном влиянии молодежных поколений в разных фазах общест-

венного развития, получили развитие многочисленные исследования молодежной культуры.

В дальнейшем с изменением социально-экономической ситуации на рынках труда и появлением массового поколения с высоким уровнем образования в западных странах возникли и дополнительные аспекты в исследованиях молодежи: образование как система подготовки последующих поколений, политические ориентации молодежи, молодежь на рынке труда, молодежная субкультура [57], [60].

В российской социологии первые исследования молодежи возникли также в 60-е гг., однако ситуация их возникновения была несколько иной. Во-первых, эта область очерчивалась в процессе общего возрождения социологических исследований на волне политической «оттепели» и стала развиваться одной из первых, главным образом, в опросах общественного мнения. Этому способствовало создание многочисленных социологических групп при обкомах и горкомах комсомола, изучавших общественное мнение молодежи по «актуальным проблемам» современности. Во-вторых, интерес к молодежной проблематике со стороны государства направлялся потребностью удержать молодое поколение в рамках следования социалистическим идеалам, сохранения принципа преемственности поколений.

Сложность развития этой отрасли заключалась в том, что в идеологии государства продолжало господствовать отношение к молодежи лишь как к объекту воспитания, формирования личности «молодого строителя социализма», «подрастающего поколения». Функция молодежного возраста рассматривалась как адаптация к нормам и ценностям, определяемым партийными чиновниками. Особенности молодости как возрастного цикла (и, в частности, молодежная субкультура и молодежные движения) трактовались как формы девиантного поведения. Октябрьско-пионерские организации и комсомол были формами возрастной группировки, необходимой для осуществления партикулярной политики и подчинения младших возрастных групп авторитетам старшинства. В свое время И. Сталин назвал эти организации, наряду с профсоюзами, «приводными ремнями» партии. Эта формула прочно утвердилась в советской педагогике и всей системе политико-воспитательной работы. Недоверие и авторитаризм по отношению к молодежи выразились в постепенном искусственном продлении возрастных рамок юности (и, соответственно, принадлежности к молодежной организации) до 28 лет как легитимное свидетельство отказа в предоставлении статуса взрослости, в правах и возможностях для полноценной самореализации.

Идеология государства по отношению к молодежи как объекту социального воздействия выразилась в социальном заказе зарождающейся социологии: исследовать проблемы коммунистического воспитания

молодежи. Именно так и определялась в Постановлении Президиума Академии наук СССР в 1968 г. одна из задач созданного Института конкретных социальных исследований [35, с. 6].

В этом отношении весьма показательна дискуссия, состоявшаяся на конференции «Молодежь и социализм» в мае 1967 г. Тогдашний директор ИКСИ АН СССР М. Н. Руткевич резко выступил против попыток В. А. Ядова и И. С. Кона ввести наряду с понятием «воспитание» понятие «социализация», предполагающее активно-субъектное отношение к социальной среде.

«Комсомольские» исследования молодежи. Проблема идеологического воспитания молодежи, почти полностью отсутствующая на Западе, была наиболее широко представлена в советской социологии молодежи. Как только в стране начали проводиться социологические исследования, их тотчас взяли на вооружение комсомольские структуры. В Высшей комсомольской школе был создан научно-исследовательский центр, который систематически проводил опросы среди молодежи исключительно по проблемам нравственности и коммунистического воспитания. Социологами из ВКШ при ЦК ВЛКСМ были выпущены даже типовые методики изучения социально-политической и трудовой активности, идейно-политического уровня молодежи (руководителем центра тогда был И. Ильинский). Были проведены исследования «Моральные ориентации и формирование активной жизненной позиции молодежи», «Формирование достойного пополнения рабочего класса и колхозного крестьянства» и др.). Тенденциозная ориентация этих исследований была полностью подчинена интересам правящей элиты. Их основными заказчиками и организаторами выступали аппаратчики ЦК КПСС и Высшей партийной школы. Учитывая крайнюю непопулярность этих исследований, особенно возросшую в перестроечный период, сотрудники НИЦ ВКШ (нынешнее название — Институт молодежи) впоследствии, в годы горбачевской перестройки, переориентировались на законотворческую деятельность, связанную с положением молодежи, и занялись подготовкой законопроекта о государственной молодежной политике в СССР. Представлял законопроект председатель Комитета по делам молодежи В. Цыбух. Принятие законопроекта имело длинную историю, так как, согласно выводам многочисленных экспертов, было весьма далеким от реалий сегодняшнего дня и сам закон был обречен на бездействие.

Таким образом, суть дальнейшего развития социологии молодежи состояла в том, что одна часть социологов с легкостью подхватила идеологический заказ, и поэтому большая масса конкретных социальных исследований молодежи развивалась как однотипные эмпирические исследования по проблемам коммунистического воспитания.

Их проводили в основном люди весьма невысокого профессионального уровня. Вследствие этого, на взгляд профессионального сообщества, заниматься проблемами молодежи считалось как бы несколько несерьезным.

С другой стороны, наметилась тенденция активного противостояния этому социальному заказу и развития исследований, направленных на изучение молодежи как субъекта общественной жизни и, прежде всего, изучение интересов самой молодежи. Симптоматично, что в ответ на социальный заказ «исследовать проблемы коммунистического воспитания» в Институте конкретных социальных исследований возникают два подразделения, ориентированные на исследование молодежи как субъекта общественного развития: «Социальные проблемы образования» (руководитель В. Н. Шубкин) и «Прогнозирование социальных потребностей молодежи» (руководитель И. В. Бестужев-Лада).

Если описанные выше «комсомольские» исследования носили скорее политический, чем собственно научный характер и были подогнаны под интересы политиков, подвергались под разработку планов социального развития в разделе «коммунистическое воспитание» молодежи», то последние носили более академический характер объективного анализа молодежной проблематики как баланса между социализацией (интеграцией поколения) и индивидуализацией (автономией, инновацией по отношению к социальному целому). Это последнее направление молодежных исследований в советской социологии и составило реальную основу для становления социологии молодежи как особой дисциплинарной отрасли. Исследования данного направления были нацелены в первую очередь на изучение профессионального самоопределения новых поколений. Здесь выделялись три школы.

Исследования В. Н. Шубкина. Закономерно, что в соответствии с эмбриональной стадией развития социологии в те годы первоначальное развитие получило изучение субъективных показателей — массовых ориентаций в ситуации выбора профессии. Однако существенное значение для того уровня развития социологии имело введение понятия «престиж профессии» как показателя субъективного отражения социальной иерархии в массовом сознании населения [53].

Начатое В. Н. Шубкиным сначала в Новосибирске, затем продолженное в Москве исследование было направлено на изучение жизненных планов молодежи*.

Долговременный интерес В. Н. Шубкина к проблеме социальных ожиданий молодого поколения и степени их реализации позволил существенно углубить представление о процессе вхождения во взрослую

* Подробнее об этом см. главу 13.

жизнь. На смену пониманию социализации как степени усвоения нормативных требований общества пришло понимание ее как динамики от первичных ожиданий молодежи, последующей корректировки их социальными возможностями общества к реализации в социальном статусе взрослого. Однако в этих работах, по существу, не анализировались различия в объективном социальном потенциале молодежи.

Следующим исследованием, проведенным В. Н. Шубкиным, был проект «Жизненные пути молодежи в социалистическом обществе», осуществленный по единой методике еще в четырех восточно-европейских странах кроме Советского Союза: в Чехословакии, Болгарии, Венгрии и Польше, где социология молодежи как отрасль знания была развита к тому времени в большей степени. Основной содержательный вывод: несоответствие между потребностями рынка труда и профессиональными устремлениями и потенциалом самой молодежи, сложившимся в процессе образовательной подготовки, т. е. противоречие между рынком труда и немобильной системой образования, формирующей завышенные ожидания молодых людей [47], [50]. Вывод о неравенстве жизненных шансов отдельных групп молодежи также имел принципиальное значение, так как входил в противоречие с установленным представлением о равенстве социальных возможностей при социализме.

Неравенство жизненных шансов как острая социальная проблема проявилось более четко именно в это время в связи с изменившейся ситуацией на рынках труда: сформировавшиеся завышенные ожидания молодежи пришли в противоречие с демографической ситуацией, а именно: пополнением рынка труда многочисленным послевоенным поколением, имеющим высокий уровень образования, при ухудшении социальных возможностей для трудоустройства вследствие перехода к экстенсивному развитию экономики.

Показательно, что в конце 70-х — начале 80-х гг. западная социология молодежи также переориентировалась с проблем молодежного протеста на социально-профессиональную проблематику. Аналогичные проблемы сокращения рынка молодежного труда и трудностей устройства на работу были связаны, по мнению западных социологов, с технологической революцией и требовали перестройки всей системы профессиональной подготовки. В те годы в Британии, например, по предложению социологов была создана дополнительная программа послешкольной подготовки молодежи до вхождения в рынок труда, предусматривающая многообразные курсы [58]. В нашей же стране была принята ориентация на всеобщее среднее образование (школьная реформа 1984 г.). Хотя большинство идей, предложенных В. Н. Шубкиным, так или иначе уже обсуждались в западной социологии, его с

полным основанием можно считать основателем академической школы по исследованию профессиональной мобильности молодежи и престижу профессий в советской социологии. Термины: выбор профессии, престиж профессии, потребности общества в кадрах, межпоколенная и внутрипоколенная социальная мобильность — вошли в отечественную социологию благодаря публикациям В. Н. Шубкина.

Исследования Ф. Р. Филиппова и М. Н. Руткевича. Наряду со школой В. Н. Шубкина существовало еще две, занимавшихся теми же проблемами, но в ином плане. Почти одновременно с В. Н. Шубкиным в г. Свердловске стали проводиться аналогичные исследования Ф. Р. Филипповым и М. Н. Руткевичем. Их спецификой было изучение системы образования, в частности высшего. В центре внимания оказались три составляющие общественного развития: общественные потребности, система образования и молодежь — и возможные противоречия между ними. В результате появилось новое направление социологии молодежи — социальные проблемы студенчества. Эту тематику в Свердловске продолжила Л. Я. Рубина, в г. Харькове — Е. А. Якуба и др. В настоящее время проблемы студенчества изучаются почти во всех вузовских центрах страны [38].

Другая специфика работ Ф. Р. Филиппова и М. Н. Руткевича состоит в том, что молодежные проблемы рассматривались ими сквозь призму воспроизводства социальной структуры советского общества и межпоколенных социальных перемещений. Эмпирической базой этого направления были проекты «Высшая школа» (1973-1974 гг.) и международное сравнительное исследование по проблемам воздействия высшего образования на социальную структуру общества (1977-1978 гг.)

В последние годы своей жизни Ф. Р. Филиппов занимался изучением межпоколенной мобильности. На основе выборочных единовременных обследований ЦСУ СССР он опубликовал монографию «От поколения к поколению» (1989 г.), в которой анализируются изменения в социальной структуре при сравнении трех возрастных когорт (коhort, вступивших в жизнь в конце 50-х, конце 60-х и в середине 70-х гг.). В книге анализируются особенности трудового старта этих когорт и динамика их последующих перемещений на протяжении жизненной карьеры (термины: трудовой старт, трудовая карьера, неравенство возможностей, социальные перемещения, социальный облик поколений) [48].

Наращивание эмпирического потенциала в социологии за эти годы позволило Ф. Р. Филиппову вплотную подойти к рассмотрению социальных различий между отдельными поколениями молодежи и рассматривать их как эволюционный фактор в социальном развитии общества. Пока еще с осторожными оговорками и ссылками, автор предпринимает попытку подорвать господствующую непререкаемую идею

преемственности поколений и рассмотреть их в «диалектике преемственности и новизны», иными словами, сконцентрироваться на различиях поколений, обусловленных социально-историческими особенностями в их становлении, хотя, оговаривается автор, эти различия неодинаково проявляются в разных областях жизнедеятельности. Автор анализирует трагические страницы в становлении разных когорт: влияние политических ограничений, связанных с репрессиями, на трудовой и образовательный путь возрастной когорты, входившей в жизнь в предвоенное время; отодвигание и перерыв в трудовом и образовательном пути военного поколения и его последствия; влияние экстенсивного развития экономики на процессы вхождения в жизнь последующих поколений.

Эта идея различий между поколениями и полный разгром идеи преемственности были в полной мере осуществлены в последующие годы Ю. А. Левадой в книге «Советский простой человек» [27, с. 28]. Выделяя в советском периоде российской истории в основном три условных исторических поколения: деды, отцы и дети — авторы пишут: «Советская история знала лишь одно поколение "вполне советских" людей. Хронологически это, в основном, поколение (когорты) вступивших в активную социальную жизнь в начале 30-х гг. и занимавших ключевые позиции в ней до середины или конца 50-х. Предыдущее поколение было переломлено революционными потрясениями и лишь отчасти приспособилось к новой для него жизни. Последующее — встретило и, в общем, с готовностью приняло кризис и распад всей системы. То, что советская и подобные ей общественные системы не оказались способными воспроизводиться в последующих поколениях, — факт сегодня общепризнанный» [27, с. 28].

Школа лонгитюдных исследований. На становление третьей школы исследования «путей во взрослую жизнь» большое влияние оказал М. Титма. Перенеся уже в середине 80-х гг. на российскую почву методы американской традиции лонгитюдных исследований, М. Титма, работающий сейчас в США, способствовал профессиональному становлению целого ряда российских молодых ученых. Специфику его интересов всегда составляла региональная и поселенческая дифференциация процессов жизненного самоопределения молодежи. Даже в то время, когда в социологии и политике господствовали идеи однородности советского общества и становления советского народа как новой исторической общности, М. Титма делал основной акцент на региональных особенностях жизненного пути поколения в рамках различных национально-территориальных общностей, вытекающих из особенностей культуры и неодинакового уровня экономического развития регионов. Основное внимание в его работах уделялось изменениям в объективном социальном

статусе когорты в процессе ее профессионального и жизненного самоопределения.

Первое лонгитюдное исследование процесса жизненного самоопределения выпускников средних школ Эстонии (1966 г.) [46] послужило базой для проведения общесоюзного «генетического» исследования возрастной когорты 1965-1967 гг. рождения, которое отслеживало когорту на жизненном отрезке от 17 лет (окончание среднего учебного заведения) до завершения социального становления в течение десяти лет (1993 г.).

Для выполнения этого обширного проекта был создан внеинституциональный научный коллектив, объединивший уже сложившихся исследователей из наиболее крупных научных центров СССР, занимающихся молодежной проблематикой. Достаточно сказать, что в начале становления этот коллектив состоял из представителей научных центров Эстонии (П. Кеннманн, Р. Веэрман, Э. Саар), Латвии (М. Ашмане, И. Трапенцире), Литвы (А. Матуленис, Р. Алишаускаене, Э. Лауменскайте), Молдавии (Э. Кац), Украины (Е. Якуба, И. Шеремет), Таджикистана (Ш. Шоисматуллоев), России: Урал (Л. Я. Рубина), Татария (А. Л. Салагаев), Алтай (С. Григорьев, Л. Гуслякова), Красноярск (В. Немировский), Курган (Л. А. Коклягина) и позднее Москва: Институт молодежи, куда перешла работать Л. А. Коклягина, и Институт социологии (А. В. Кинбурский, В. В. Семенова, М. М. Малышева). Такое объединение научных сил разных республик и научных центров не могло не завершиться значительным скачком в исследованиях по молодежной проблематике и появлением в социологии молодежи ряда новых имен и новых направлений.

Главная задача проекта, в котором использовалась многоэтапная квотная 5-процентная выборка для когорты в данном регионе, — проследить процесс включения молодежи в социальную жизнь от момента окончания среднего учебного заведения до тридцатилетнего возраста. Были обнаружены значительные региональные особенности, которые в принципе исключали возможность применения каких-то усредненных моделей социального становления когорты в «развитом социалистическом обществе».

К настоящему времени уже три раза с перерывом в четыре года данная возрастная когорта подвергалась анкетному обследованию. По результатам данного исследования опубликовано несколько региональных монографий и две обобщающие монографии в издательстве «Наука»: «Начало пути: поколение со средним образованием» (1989) и «Жизненные пути одного поколения» (1992) [10], [33].

По сути это классическое академическое исследование, описывающее общие закономерности и временные границы основных событий в

жизненном цикле одной возрастной когорты молодежи на протяжении 10 лет. Изучались традиционные сферы жизнедеятельности: семья, труд, образование, профессиональная и социальная мобильность, миграционные процессы и жизненные ценности. Вместе с тем уникальность проекта состояла в том, что по времени он совпал с началом резких социальных изменений, начатых в середине 80-х гг., что позволило собрать банк социологической информации о путях молодого поколения в изменяющемся обществе.

Устоявшиеся теории поколений утверждают, что в периоды крупных социальных потрясений появляются новые поколения, существенно отличающиеся от предыдущих по своему социальному опыту, и, таким образом, происходит качественный скачок в развитии общества (К. Мангейм). Однако, исходя из полученных проектом данных об общей инертности, стабильности когорты в целом и появлении только статистически малозначимых групп внутри поколения с новым социальным положением и образом жизни, есть основания присоединиться к мнению критиков К. Мангейма: само по себе поколение не всегда является фактором социальных изменений. Во всяком случае это не происходит в России.

К настоящему времени этот уникальный научный коллектив, существовавший в качестве единого добровольного сообщества в течение 7 лет, распался, но отдельные его группы продолжают существовать в качестве самостоятельных научных центров и проводят исследования в отдельных регионах России (Алтай, Екатеринбургская, Курганская, Тульская области и Москва). В рамках проекта «Пути поколения в России» его возглавляют Л. А. Коклягина и В. В. Семенова (Институт социологии РАН).

Ленинградская школа. Еще одно направление в развитии молодежной проблематики — социально-психологическое, представленное в основном Ленинградской школой. Исследования начаты в 1967 г. в социологической лаборатории при Ленинградском университете под руководством В. Т. Лисовского. Их основное направление собственно не было связано с молодежью как особой социальной группой, но с личностью молодого человека и построением типов жизнедеятельности студенческой молодежи. В рамках ленинградской школы начинал свою деятельность и И. Кон, занимавшийся психологией юношеского возраста и широко развитым на Западе направлением — субкультурой молодежи. До недавнего времени оно не было представлено в советской социологии, во-первых, потому, что сам этот феномен не был достаточно ярко развит в молодежной среде, и, во-вторых, из-за запретов, существовавших на эту тематику со стороны политических структур. И. Кон был единственным академическим исследователем, который хотя

бы открыто заявлял о существовании данного феномена, преимущественно опираясь при этом на зарубежные источники.

И. С. Кон. И. С. Кон занимает в социологии молодежи особое место. Хотя, по его собственным словам, из-за «усиливающейся реакции 70-х гг. заниматься социологией молодежи становилось все труднее» и его интересы в значительной мере из-за этого сместились в сторону психологии юношеского возраста, вообще «психологизации» своей тематики [24], тем не менее его деятельность оказала весьма существенное влияние на развитие этой области.

Во-первых, занимаясь критикой зарубежных теорий и обладая энциклопедическими знаниями, И. Кон блестяще выполнял просветительскую функцию, привнося в «заидеологизированную» область социологии и социальной психологии новые идеи и имена, широко известные на Западе (С. Эйзенштадт, Дж. Колеман, Э. Эриксон, Г. Салливан, М. Мид). В молодежной проблематике это способствовало углублению понимания проблем социализации поколений, возрастных и когортных категорий. Во-вторых, его работы о западном студенчестве и «студенческой революции» 60-х гг. позволяли полнее представить это явление, ставшее вехой в современной западной истории и проводить параллели с состоянием студенческого движения в нашей стране. В-третьих, исследования И. Кона по психологии юношеского возраста позволили уточнить специфику юности как особого жизненного цикла формирования личности и понять ее отличия от других возрастов. Он восполнил пробел в области социологического представления о самосознании личности, юношеской идентификации, возрастных кризисах, юношеском общении и юношеской субкультуре [22], [23].

Исследования молодежной субкультуры. В отличие от других исследователей, И. Кон, опираясь на теоретические обоснования молодости как особой фазы жизни, настаивал на закономерности появления собственной молодежной субкультуры, отличной от общепринятой во взрослом обществе. Теперь сам факт существования молодежной культуры ни у кого не вызывает сомнения, но в середине 80-х гг. вокруг проблемы существования этого феномена постоянно разворачивалась борьба.

До начала 80-х гг. молодежная культура находилась в «подполье» и потому не могла стать предметом исследования со стороны официальной науки. Только с появлением серии публицистических выступлений, взбудораживших общественное мнение «криминогенным» характером молодежных группировок (например, рокеров), исследование этой проблематики стало возможным и даже вызвало настоящий бум, который закончился так же неожиданно и быстро, как и начался.

Просматриваются три направления таких исследований. Одно из них — изучение отношения молодежи к неформальным объединениям и явлениям субкультуры. В рамках этого направления проводилась серия мини-исследований под руководством Е. Ливанова, В. Левичевой и Ф. Шереги в бывшем НИЦ ВКШ [17], [34].

Другое направление было основано на методах включенного наблюдения и развивалось в рамках «перестроечной публицистики» [54], [55]. Вместе с тем появились и первые профессиональные исследования с использованием метода интервью. Автором одного из них являлся сотрудник НИИ комплексных социальных исследований Ленинградского университета Н. В. Кофырин. Осенью 1989 г. он изучал неформальные молодежные группировки Ленинграда непосредственно в местах их «тусовок» [25].

Третье направление составляли исследования собственно преступных молодежных группировок, и они проводились не социологами, но специалистами в области права. Среди них наибольшее признание в социологических кругах получили работы И. Сундиева (Академия МВД) [45], Г. Забрянского (Правовая Академия министерства юстиции) и публициста В. Еремينا.

На общем всплеске эмпирического интереса к молодежным группировкам в те годы наиболее серьезной работой выглядит теоретическое исследование белорусских социологов И. Андреевой и Л. Новиковой (Белорусский госуниверситет), которые предприняли попытку применить культурологические теории для эмпирического изучения молодежных субкультур в условиях крупного города. Основываясь на теории С. Лема (рассматривающего молодежную субкультуру как имманентный феномен культурно-исторического процесса, возникающий в обществе, быстро достигшем материального изобилия, но не выработавшем еще соответствующих механизмов социального гомеостаза [28]), они пришли к выводу, что маргинальные субкультуры имеют в советских условиях особую социальную базу — «полугородскую» (мигрантскую) молодежь — и становятся способом вписаться в ценностную структуру городской культуры [1]. Этот феномен, по их мнению, отличен от ситуации современных западных городов, где молодежная субкультура формируется в основном в среде расовых или национальных меньшинств. Описанный подход представляет интерес не только для социологии молодежи как таковой, но и для объяснения многих культурологических феноменов крупных советских городов, где мигранты в первом поколении составляют большую часть населения. Как мы уже говорили, это течение в области молодежной проблематики закончилось так же быстро, как и появилось, ибо молодежные проблемы перестали будоражить общественное мнение.

Проблематика молодежной субкультуры привнесла в рассматриваемую область новые методические подходы направленного, углубленного анализа отдельных ниш в общем потоке изучения поколения как некоего социального целого. Впервые были применены методы глубинного и включенного интервью для анализа отдельных контактных групп. Впрочем, методически этот новый опыт никем так и не был обобщен. Осталась без ответа и сама ситуация всплеска молодежной активности на волне начинающихся политических баталий, которые впоследствии захлестнули этот маленький всплеск. Была ли это прелюдия политической активности других, более взрослых возрастных когорт или же начало молодежной революции, которая погасла, не успев родиться?..

Мы уже говорили о том, что в социологии молодежи прочно установился проблемный подход, т. е. исследователи строят логику своей научной стратегии, в основном исходя из тех проблем, которые несет общество и время, а не из логики особой социально-демографической группы — молодежи. Так в свое время появилась серия работ по проблемам наркомании и проституции среди молодежи, исследованиями руководил А. А. Габиани из Тбилисского университета [7], [8]. Изучались также проблемы нравственной деградации и распада армии (Б. Ф. Калачев [16]) и, наконец, рок-музыки как социального движения среди молодежи (в Ленинграде — М. Илле и О. Сакмаров [14], в Москве — Н. Саркитов [39]). В свое время в 1991 г. на волне общественного интереса к бывшим участникам афганской войны был осуществлен проект «Социальная реабилитация участников войны в Афганистане», которым руководил А. В. Кинсбургский (Институт социологии, Москва) [42].

§ 4. Современное состояние дисциплины, перспектива

В настоящее время в связи с общим кризисом науки, а также появлением множества тем, более волнующих общественное мнение, чем проблемы молодого поколения, число российских исследователей, занимающихся данной проблематикой, существенно сузилось. (Еще одно подтверждение тезиса о том, что интерес к проблемам молодежи развивается волнообразно.) Так, число цитирований по проблемам возрастов существенно уменьшилось по сравнению с началом 80-х гг. и с тех пор находится примерно на одном уровне [13]. Вместе с тем возникли новые направления в этой области.

В соответствии с мировой тенденцией рассмотрения молодежных когорт как составляющей части других общесоциальных процессов в российских исследованиях молодежи акцент переносится на логику рассмотрения молодости как части жизненного цикла человека (life

course), переходной фазы между подростковым возрастом и состоянием взрослости. В таком аспекте молодость выступает в качестве переходного состояния в становлении «человека социального», в котором, с одной стороны, присутствуют элементы социального сходства людей, находящихся в данной жизненной фазе, с другой — отражается личностное, индивидуальное своеобразие. Перенос интереса на индивидуальные жизненные стратегии в западной социологии связан с возрастающим многообразием каналов вхождения молодежи во взрослое общество: дополнительные курсы профессиональной подготовки до и после получения среднего образования; специфически молодежный рынок труда и способы первичного трудоустройства молодежи, в том числе временная безработица; многообразие форм проживания и образования семей. «Жизненные траектории поколения все больше и больше приобретают характер индивидуальных биографических траекторий и утрачивают свойства общесоциальных моделей» [61].

Отсюда развитие наряду с массовыми долговременными (лонгитюдными) исследованиями так называемых «case studies» — изучение единичных случаев отдельных типичных жизненных траекторий [59], на основе которых массовидные тенденции социального взросления анализируются более углубленно.

С позиций описанного методологического подхода в Институте социологии РАН осуществляется проект (В. В. Семенова, Л. А. Коклягина), где на базе массовой выборки лонгитюдного исследования проводятся выборочные глубинные интервью, представляющие разные типы жизненных траекторий: стабильные/мобильные социальные траектории; представители новых социально-профессиональных групп (например, предприниматели, безработные); жизненные карьеры женщин и мужчин; академическая карьера профессионалов; анализ изменений в социальных идентификациях и т. д. [40], [66]. Сочетание имеющихся массовых данных об общих жизненных стратегиях поколения с данными глубинных интервью отдельных представителей типичных жизненных карьер позволяет рассмотреть механизмы и способы выбора молодыми людьми различных вариантов жизненного поведения.

Другие новые аспекты в исследовании молодежной проблематики — дополнение внутр поколенного анализа межпоколенным, попытки исторического сравнения различных возрастных когорт и их вступления во взрослую жизнь для понимания общих механизмов взросления и их особенностей, связанных с определенной исторической ситуацией. Сопоставление межпоколенных различий с внутр поколенными позволяет выяснить, с одной стороны, роль поколений как особого феномена, с другой — роль социально-структурных факторов, влияющих на процессы социальных изменений.

Занятость молодежи и безработица, молодежные рынки труда (в основном вторичный рынок труда, т. е. временное трудоустройство молодых, не обладающих достаточной квалификацией) успешно исследуются Центром изучения проблем занятости Института социологии РАН [62], [63]. Новые формы потребительского поведения молодежи — сфера интересов В. Магуна [31], проблематика бездомных — В. Журавлева [11], проблемы материального благосостояния и социальной защиты молодежи нашли отражение в ряде публикаций [36], [51].

Основной чертой современного периода в исследованиях молодежи становится их прагматическая направленность на изучение отдельных сегментов образа жизни и отдельных групп молодежи, обладающих своими особенностями и способами вхождения во взрослое общество.

Учитывая волнообразный характер развития молодежной проблематики, следует, на наш взгляд, в ближайшие годы ожидать очередного взлета интереса к этой области. Он будет обусловлен вхождением во взрослую жизнь первой возрастной когорты, сознательная фаза социализации которой пришлось на период развития рыночных, отношений в России и, соответственно, рыночной (индивидуализированной) психологии. Новое поколение (1977-1978 гг. рождения) получило не только новый опыт образования и профессиональной подготовки, но вступает в жизнь при сокращении шансов на трудоустройство, что чревато возможным обострением межпоколенных противоречий.

Растущая дифференциация каналов и способов вхождения во взрослое общество с неизбежностью должна повлечь за собой более активное использование и сочетание различных методов исследования: глубинных (качественных) и массовых (количественных) методов; долгосрочных (лонгитюдных) и единовременных экспресс-опросов по частным проблемам, возникающим в обществе или в данном регионе.

Усилится, на наш взгляд, прагматическая направленность исследований, связанная с возникновением новых, ранее не существовавших явлений молодежного статуса и появлением новых групп среди молодежи: безработных, бездомных, военных наемников или профессиональных военных, участвовавших в подавлении беспорядков на территории собственной страны. Станут актуальны проблемы молодежного рынка труда, потенциальной или реальной трудовой эмиграции, потребительского поведения молодежи.

С точки зрения социального заказа, на наш взгляд, наиболее актуальны проблемы социальной защиты молодежи, организации специфического молодежного рынка труда, выравнивания растущих различий в жизненных шансах отдельных групп молодежи, эффективности новых (в том числе частных) каналов образования. С точки зрения интересов государственной политики целесообразна также разработка долгосрочных

(на десятилетия) прогнозов социального поведения различных возрастных когорт, проходящих разные стадии жизненного цикла.

Нетрудно представить, что в социологии молодежи будут происходить те же процессы, которые охватывают и другие предметные области, прежде всего — движение в сторону междисциплинарного подхода. Очевидно, что совмещение собственно социологических концепций с социопсихологическими, этнологическими и историческими — не просто «дань моде», но естественный способ развития знания в достаточно сложной социоэкономической, социокультурной и политической ситуации, в которой находится сегодня российское общество.

Литература

1. Андреева И. Н., Новикова Л. Г. Субкультурные доминанты нетрадиционных форм поведения молодежи // Неформальные объединения молодежи вчера, сегодня, а завтра? / Под ред. В. В. Семенов. М., 1988.
2. Бернштейн М. С. Как поставить учет времени нашей молодежи. М., Л., 1925.
3. Бернштейн М. С. Наша современность и дети (Материалы обследования 1921—1923 гг.). Л., 1928.
4. Бернштейн-Коган А. Численность, состав и положение петербургских рабочих. СПб., 1910.
5. Биографический метод. История. Методология. Практика / Под ред. Е. Ю. Мещеркиной, В. В. Семенов. М.: ИС РАН, 1994.
6. Блинов Н. М. Социологические исследования труда и воспитания советской молодежи 20-х годов // Социологические исследования. 1975, № 1.
7. Габиани А. А., Мануильский. М. А. Цена любви (Обследование проституток в Грузии) // Социологические исследования. 1987, № 6.
8. Габиани А. А. Горькие плоды сладкой жизни // Социологические исследования. 1987, № 1.
9. Дети и Октябрьская революция. Идеология советского школьника. М.: Искра революции, 1928.
10. *Жизненные пути одного поколения* / Под ред. Л. А. Коклягиной, В. В. Семенов, М. Титмы. М.: Наука, 1992.
11. Журавлев В. История жизни «бомжа» // Судьбы людей: Россия. XX век. / Под ред. Е. В. Фотеевой, В. В. Семенов. М.: ИС РАН, 1996.
12. Зайцев В. А. Труд и быт рабочих подростков. М.: Вопросы труда, 1926.
13. Ивахненко Г. Динамика научных коммуникаций // Социологический журнал. 1994, № 2, с. 146.
14. Илле М. Е., Сакмаров О. А. Рок-музыка: таланты и поклонники // Социологические исследования. 1989, № 5.
15. К характеристике современного студенчества (по данным переписи 1909-1910 гг. в С-П. технологич. инст.). 2-е изд. СПб, 1911.
16. Калачев Б. Ф. Наркотики в армии // Социологические исследования. 1989, № 4.

17. Каталог-справочник неформальных самодеятельных организаций и независимой прессы СССР / Под ред. В. Ф. Левичевой. М., 1990.
18. Кауфман А. А. Сборник статей. М.: Лемань и Плетневь, 1915.
19. Кац Я. Д. Труд и быт рабочих подростков Сибири. Новосибирск: Просвещение, 1927.
20. Коган Б. Б., Лебединский М. С. Быт рабочей молодежи. М., 1929.
21. Колотинский П. Н. Опыт длительного изучения мировоззрения учащихся выпускных классов. Краснодар, 1929.
22. Кон И. С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978.
23. Кон И. С. Психология старшеклассника. М.: Просвещение, 1980.
24. Кон И. С. Эпоху не выбирают // Социологический журнал. 1994, № 2.
25. Кофьрин Н. В. Проблемы изучения неформальных групп молодежи // Социологические исследования. 1991, № 1.
26. Куркин П. И. Московская рабочая молодежь. М.: Вопросы труда, 1924.
27. Левада Ю. А. (ред). Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан, 1993.
28. Лем С. Модель культуры // Вопросы философии. 1969, № 8.
29. Лицо ленинградского комсомола в цифрах. Л.: Молодая гвардия, 1930.
30. Луначарский А. В. Искусство и молодежь. М.: Искра революции, 1929.
31. Магун В. С, Литвинцева А. З. Жизненные притязания ранней юности и стратегии их реализации: 90-е и 80-е гг. М., 1993.
32. Молодежь СССР. Статистический сборник. ЦУНХУ Госплана СССР / Под ред. В. Косарева. М., 1936.
33. *Начало пути: поколение со средним образованием* / Под ред. М. Титмы, Л. А. Коклягиной. М.: Наука, 1989.
34. Неформальная волна / Под ред. В. Ф. Левичевой, В. Ливанова. М., 1989.
35. Об организации Института конкретных социальных исследований. — Постановление Президиума Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. 1968, № 9.
36. Раковская О. А. Благополучие молодежи: достаток и достоинство // Социологические исследования. 1989, № 1.
37. Рубинштейн М. М. Кризис семьи как органа воспитания // Вестник воспитания. 1915, № 3.
38. Руткевич М. Н., Рубина Л. Я. Общественные потребности, система образования, молодежь. М.: Политиздат, 1988.
39. Саркитов Н. Д. От «хард-рока» к «хеви-металлу»: эффект оглушения // Социологические исследования. 1987, № 4.
40. Семенова В. В. Путь в новую социальную группу предпринимателей: жизненные истории одного поколения // Судьбы людей. Россия. XX век / Под ред. Е. В. Фотеевой, В. В. Семеновой. М.: ИС РАН, 1996.
41. Сорокин П. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1916, № 1.
42. Социальные проблемы реабилитации воинов-афганцев / Под ред. А. В. Кинсбургского, М. Н. Топалова. М.: ИС РАН, 1994.

43. Сперанский А. Кризис русской школы // Звезда. 1912, № 9.
44. Струмилини С. Г. Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922—1923 гг. М., Л.: Вопросы труда, 1924.
45. Сундиев И. Ю. Самостоятельные объединения молодежи // Социологические исследования. 1989, № 2.
46. Титма М., Саар Э. Моделирование формирования пополнения основных социальных слоев. Таллин: Ээсти раамат, 1984.
47. *Трудящаяся молодежь: образование, профессия, мобильность* / Под ред. В. Н. Шубкина. М.: Наука, 1984.
48. Филиппов Ф. Р. От поколения к поколению. М.: Мысль, 1989.
49. Чекин А. Семейный распад и женское движение // Русское богатство. 1914, № 5.
50. *Чередниченко Г. А., Шубкин В. Н.* Молодежь вступает в жизнь. М.: Мысль, 1985.
51. Чупров В. И., Быкова С. Н. Молодежь России: на пороге рынка между бедностью и нищетой // Социологические исследования. 1991, № 9.
52. Шварц Г., Зайцев В. Молодежь СССР в цифрах. М.: Вопросы труда, 1924.
53. Шубкин В. Н. Социологические опыты. М.: Мысль, 1970.
54. Щекочихин Ю. П. Алло, мы вас слышим. М.: Молодая гвардия, 1987.
55. Щекочихин Ю. П. По ком звонит колокольчик? // Социологические исследования. 1987, № 1.
56. Янжул И. И. Фабричный быт московской губернии. М., 1912.
57. *Brake M.* The Sociology of Youth Culture and Youth Subcultures. Routledge and Kegan Paul. London, 1989.
58. Bynner J. Educational Strategies in Britain, Estonia and Russia: Comparative Analysis. Workshop «Longitudinal Strategy in Youth Study». М., 1991.
59. *Evans K.* Becoming Adults in England and Germany. 1992.
60. Hurrelmann K. Youth — A Productive Phase in Human Life // Education. Vol. 39. Tubinge, Germany, 1985.
61. Jones G. From Dependency to Citizenship? Transition to Adulthood in Britain. Workshop «Longitudinal Strategy in Youth Study». М., 1991.
62. Koklyagina L. A. From School to Work in a Transitional Society: Changing Patterns of Growing up in Russia // Growing Up in Europe. Berlin, N.-Y: de Grayter, 1995.
63. Koklyagina L. A. Generation with a Real Choice? Youth Employees in a Changing Russia // Journal «Social Action». Nottingham: Volume 1, № 3, 1993.
64. *Mannheim K.* The Problem of Generations // Essays on the Sociology of Knowledge. London: Routledge and Kegan Paul LTD, 1970.
65. *Mead M.* Culture and Commitment. A Study of Generation Gap. London: The Boudly Head, 1970.
66. Semenova V. Socioökonomische Krisen in den Lebenserfahrungen von russischen Familien: Geschichte und Gegenwart // Journal BIOS. 1993, № 1.